

хана, которая призывает к проведению свободных президентских выборов в октябре 2013 г. Анонимное произведение молодого исполнителя под названием «Azad seçkilərə çağırış», доступное только в электронном виде [Azad], является свидетельством того, что, вопреки попыткам политиков, мейхана сохранила свою социально-политическую функцию. Конечно, это произведение можно упрекать в неполном соответствии жанру мейханы, так как оно не придумывалось на ходу. Однако это полноценное произведение, способ его исполнения продиктован политической обстановкой, что и связывает его с традиционным фольклорным жанром.

Библиография

Azad: Azad seçkilərə çağırış. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=s gKhygJhO68&feature=youtu.be> (24.04.2013).

Gluckman M. Rituals of Rebellion in South-East Africa. Manchester, 1954.

Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa. L., 1963.

Hobsbawm E., Terence R. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 2003.

Jacquemet V. Verbal Conflict // Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 9 / Ed. by K. Brown.: Elsevier. Manchester University Press, 1954. 2nd ed. L., 2005.

Pagliai V. The Art of Dueling with Words: Toward a New Understanding of Verbal Duels across the World // Oral Tradition 24.01.2009. URL: http://journal.oraltradition.org/files/articles/24i/04_24.1.pdf (24.04.2013).

Rustamova N. Dayirman: Combaining rap, tradition, and frustration in Azerbaijan // Central Asia-Caucasus Institute Analyst. 02.25.2004. URL: <http://www.cacianalyst.org/?q=node/1923> (20.04.2013).

Tagisoy N., Zakariyya Z. Мейханәәnin poetikası. Baku, 2011.

Е.Ю. Гуляева

ТАЛЫШИ ИРАНА: К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Данный доклад написан на основе полевых материалов, собранных И. Абиловым, Е. Гуляевой, Е. Захаровой и Е. Капустиной во время этнографической экспедиции к талышам Ирана весной

2012 г. Организатором поездки выступила Тальшская национальная академия. Основная задача статьи — рассмотреть разные способы идентификации.

Численность талышей, ландшафт и соседние народы.

В Иране официальная перепись населения не учитывает этнический состав, поэтому говорить о численности талышей крайне сложно. Нам озвучили цифру в 550 тыс. чел., основывая ее на данных 30-летней давности (когда численность талышей в Иране определяли в 130 тыс. чел.) и оценке среднего прироста населения за эти годы.

Талыши проживают на северо-западе провинции Гилян. Ландшафт этой территории представляет собой равнину, вытянутую полосой с севера на юг и ограниченную с востока Каспийским морем, а с запада — Талышскими горами. Название гор стало существенным фактором в восприятии соседними народами этого региона в качестве талышского и талышей в качестве автохтонов. Кроме того, именно горы являются «своим» ландшафтом для талышей, себя они определяют в первую очередь горцами.

Иранский Талыш делят на три части: южную, центральную и северную, соответствующие диалектному делению талышского языка. За исключением небольшой части центрального Талыша, население везде полиэтническое. Южные талыши проживают среди гиляков — наиболее многочисленного народа Гиляна (около 3 млн чел.). Гиляки доминируют во властных институтах региона.

Одним из проявлений этничности можно считать наличие представлений и стереотипов (в том числе негативных) народов друг о друге. Поскольку работа велась среди талышей (исключением является лишь беседа с женщиной-лингвистом смешанного гиляко-тюркского происхождения), то и о восприятии талышей соседними народами нам рассказывали сами талыши.

Гиляки между собой, если хотят оскорбить друг друга, называют оппонента с пренебрежением «*талышом в шерстяных штанах*». Шерстяные штаны — обязательная часть костюма пастуха, таким образом, талыши выступают в качестве животноводов и горцев, так сказать людей «спутившихся с гор» в отличие от гиляков. Талыши в свою очередь говорят «*пусто гиляк*», кроме кожи

ничего нет, называют гиляков ленивыми и желтоухими (в смысле нездоровыми).

На севере Талыша проживают тюрки¹. У этой группы тоже есть негативные представления о талышах. Нам приводили пример того, как тюрки обзывали друг друга словами: «*гич талыш*» ‘придурак талыш’. Соответственно и талыши не жалуют тюрков. Правда, на юге Талыша, где тюрки не составляют значительной группы, отношение к ним благосклоннее, чем к гилякам.

По нашему впечатлению, персов в регионе мало, поэтому о них особо не говорят. На вопрос о том, какие представления о талышах распространены у персов, нам ответили, что «*персы о талышах не знают, поэтому ничего о них и не говорят*». Но присутствие персов ощущается благодаря фарси — государственному языку.

С гилякским, тюркским и фарси связаны проблемы многоязычия и языкового сдвига (о языковой ситуации подробнее см. ниже).

На юге ареала расселения талышей проживают малочисленные в этом регионе группы: курдоязычные народы курманджи и заза. Талыши о них почти не упоминают, так же как о лурах. Несколько по-иному обстоит дело с татами. Некоторые их группы по параметрам языка и культуры очень близки талышам, но не считают себя таковыми. Название «таты» является экзотным, так тюрки называли ираноязычное население: «*Просто тюрки так назвали, а самоназвание не закрепилось*». Все это заставляет талышей воспринимать татов как группу со спорной этнической идентичностью.

Среди народов, упоминаемых информантами, нередко оказывались арабы. Они в данном регионе не проживают, их вспоминали в контексте памяти о кровопролитной ирано-иракской войне, затронувшей практически все семьи (во многих домах мы видели

¹ Это тюркское население в советской и постсоветской российской и азербайджанской научной традиции называют азербайджанцами, но местное население, в частности талыши, их называют именно тюрками. Поскольку работа среди тюрков не велась, сложно говорить о самоопределении этой группы населения. В данном случае мы следуем словам наших информантов и называем их тюрками, а язык — тюркским.

портреты погибших сыновей). Как нам сказали, «*арабов в Иране ненавидят*». «*Во время ирано-иракской войны, молодые ребята, ненавидевшие арабов, бросаясь в бой, кричали: “Ты Абульфаз (?), я Али”, — забывая, что Али и другие шиитские герои, арабы, т. е. с той стороны*». Об арабах говорили и в контексте размышлений о шиизме как исламе, трансформировавшемся и вобравшем местные (иранские) традиции («*Шиизм является частью культуры <...> Марсия — музыкальный ритм, у арабов такого нет, а у зороастрийцев было*»). Можно сделать вывод, что упоминание арабов связано с конструированием и поддержанием общеиранской национальной (в смысле принадлежности к государству) идентичности.

В рассказах о локальной истории (о разделении территории проживания талышей политическими границами и движении дженгелийцев) информанты упоминали о русских («*Что о русских думают? Захватили [Северный Талыш] русские, а проклинают шаха Каджара, что он разделил [народ]*»).

Все упомянутые этнические группы влияют на самоидентификацию талышей, но по-разному. Наиболее часто талыши соотносят себя с многочисленными и непосредственно рядом проживающими гиляками и тюрками. Малочисленные соседние группы «не заметны», за исключением татов, контрастирующих своей неопределенной этнической идентичностью. Персы, арабы и русские присутствуют как «воображаемые» соседи, но по-разному: первые — в нарративах о языковой ситуации и государстве, арабы — в патриотических и культурологических дискурсах, русские — в контексте локальной истории и рассказах о разделенном народе. Приписываемые соседним этническим группам представления о талышах выступают как одна из форм самоописания.

Языковая ситуация. Талышский язык — индоевропейский, принадлежит к северо-западной группе иранских языков, входит в группу языков южнокаспийского ареала вместе с южнотатскими диалектами, гилянским, мазендаранским, заза и другими. Язык в течение долгого времени находится под влиянием тюркского и персидского, особенно в равнинных сообществах. Выделяют три диалекта талышского: южный (Хуман, Масал, Резван-

шахр, Шандерман), центральный (Парасар, Асалем, Хаштпар) и северный (Джоскандан, Лисар, Лавандавиль, Астара, Анбаран и др.), включающий говоры талышей Азербайджана. Диалекты довольно сильно различаются, но, по словам информантов, после недели общения носители северного и южного диалектов начинают понимать друг друга. Говоры центрального диалекта воспринимаются как наиболее чистые варианты талышского. В южном и центральном диалектах наблюдается влияние фарси, в северном — тюркского (азербайджанского) и русского языков.

От Масала до Шафта подавляющее большинство талышей говорит по-гилякски. От Хаштпара до Ленкорани среди талышей распространен тюркский как основной язык общения. Центральный Талыш — Асалем и Парасар — ограниченная территория, где талыши тюркского и гилякского почти не знают и говорят преимущественно на талышском.

В городах со смешанным населением талышский функционирует в основном как язык внутрисемейного общения. Однако есть и моноэтнические талышские города — Масал, Шандерман, Парасар, Лавандавиль, Асалем. В ареалах со смешанным гиляко-талышским населением параллельно существуют гилякские и талышские топонимы.

Среди тюрков и гиляков не распространено знание талышского и языков друг друга, в то время как талышей, знающих тюркский и гилякский, достаточно много. Языком общения для талышей вне семейной сферы в полиэтничных районах может быть гилякский: информанты рассказывали, что иногда при встрече два талыша начинают говорить друг с другом по-гилякски и только потом вспоминают, что оба талыши и переходят на талышский. В качестве причин широкого владения талышами языками соседей информанты указывают следующие: гиляки имеют больший политический вес, гилякский во многих случаях функционирует как язык торговли, тюркский имеет важное экономическое значение.

Талышский, как и другие языки этнических меньшинств Ирана, попадает под сильное влияние фарси. Преподавание в школах осуществляется только на фарси, детей побуждают говорить на

нем и в семьях, так как хорошее знание государственного языка воспринимается как необходимое условие успеха в будущем. Один из информантов вспоминал, что в речи его бабушки не было слов из фарси, но в речи молодого поколения уже много заимствований. При этом, по словам лингвиста-диалектолога из Рештского университета, талыши по сравнению с тюрками и гиляками лучше сохраняют свой язык. Возможную причину лингвист видит в национальной гордости, сознательности талышей, ориентированных на сохранение своей культуры. Так, один из информантов — представителей национальной интеллигенции полушутя говорил о модернистском течении, когда молодые начали говорить на фарси, себя же и свой круг друзей, воодушевленных талышской национальной идеей, назвал постмодернистами — они уже сознательно стремятся говорить на талышском.

В среде национальной интеллигенции разворачивается деятельность по развитию талышского языка, на талышском пишут стихи, издают книги. Для записи талышского языка используется арабо-персидская графика; для того чтобы талышам Азербайджана (использующим латиницу или кириллицу) эти тексты тоже были понятны, к ним прилагается транскрипция на основе латиницы.

Религиозная ситуация. Когда мы только собирались в иранский Талыш, нам представляли его как суннитскую территорию. Так же информанты нам сказали, что талышский регион воспринимается суннитским и в большей части Ирана. Но в действительности сунниты составляют примерно 20 % талышей. Как нам объяснили, существование стереотипа о Талыше как суннитском регионе связано с тем, что один из ханов Талыша был суннитом с подвластным суннитским населением. Он оказал Сефевидам серьезную поддержку в борьбе за власть, что впоследствии способствовало росту его влияния и росту влияния суннитов в регионе.

Талыши-сунниты преимущественно проживают в центральном Талыше. Как нам показалось, в этой группе видят «настоящих» талышей, сохранивших предшествующую веру, т.е. ту, которой талыши придерживались до прихода к власти Сефевидов:

«Где религиозное самоопределение прежнее (сунниты) — там талыши, где сменилось на шиитов — турки теперь. В Анбаране сохранились сунниты — там талыши». Интересно, что центральные диалекты тоже воспринимаются «эталонными» (см. об этом выше).

Принадлежность к разным направлениям ислама не влияет на решение пары о вступлении в брак.

Локальная идентичность. В статье Е. Капустиной (см. в этом же сборнике) рассмотрен вопрос о взаимообусловленности и противоречиях хозяйственной, этнической и языковой идентичностей. Еще один пример сложности процесса идентификации представляет собой случай жителей Мусла, населенного пункта с численностью населения в 650–700 чел., расположенного в 30 км от г. Фуман.

Муслеинцы считаются горожанами, говорят на талышском языке, имеют сходную культуру, вступают в браки с соседним талышским населением, но не считают себя талышами, а называют муслеинцами. По мнению одного из наших информантов, они отличаются от местного талышского населения только тем, что, живя в городе, занимаются ремеслами и не занимаются животноводством и другим сельским хозяйством. По всей видимости, это пример того, как альтернативой хозяйственной идентичности становится локальная.

Правда, в настоящий момент ситуация, видимо, несколько изменилась, жители Мусла уже в большей степени склонны воспринимать себя частью талышского общества (в том числе и благодаря представлениям об экономических успехах талышей последних лет). Но некоторая их чуждость по отношению к остальному талышскому населению конструируется в силу стереотипов о жадности муслеинцев и версий об их происхождении (пришли из иракского Мосула, так сказать «багдатские»).